

АНДРІЙ
КОШЕВНИКОВ

18+

ОСОБЫЙ
ОТДЕЛ

ПРОБУЖДЕНИЕ ЧЁРНОГО ДРАКОНА

исторический детектив

Книга 2

2026 г.

Андрей Кожевников

**Особый отдел. Пробуждение
чёрного дракона. Книга 2**

«Издательские решения»

Кожевников А. А.

Особый отдел. Пробуждение чёрного дракона. Книга 2 /
А. А. Кожевников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-700204-2

В начале 20 века в ожесточенной войне с Россией Япония опирается не только на армию, но и на тайные организации, такие как Общество чёрного дракона, которые привлекают к сотрудничеству революционеров, предавших интересы Родины ради захвата власти. Страна находится на грани хаоса и начала вооруженного восстания. Однако, есть шанс противостоять этому злу. Сотрудники Особого отдела под руководством Александра Вестова призваны с риском для жизни защитить Отечество от неминуемой гибели.

ISBN 978-5-00-700204-2

© Кожевников А. А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	20
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Особый отдел. Пробуждение чёрного дракона Книга 2

Андрей Александрович Кожевников

© Андрей Александрович Кожевников, 2026

ISBN 978-5-0070-0204-2 (т. 2)

ISBN 978-5-0070-0205-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Общество чёрного дракона

Сын выдающегося мастера будо Регоро Утиды, член древнего и воинственного клана Хираока, Рёхэй Утида заковано смотрел как река, словно гигантский ящер, переливаясь в лучах заходящего солнца чешуёй волн, величественно несёт свои воды на восток, к далёкому морю. На безлюдной окраине Нерчинска, стоя на берегу Амура, молодой человек в кимоно и с тростью в руке, выглядел одиноко и беспомощно, отличаясь по внешнему виду от местных жителей, но это его не смущало. Он хотел долгожданного общения с рекой, чтобы почувствовать единение с природой перед тем, как вернуться к себе на родину, тем самым, завершив своё годовое путешествие по Российской Империи. Однако, близкое его окружение знало, что в свои 23 года Рёхэй Утида был опытным воином, настоящим самураем, неукоснительно следующим японскому этическому кодексу «Бусидо». Ещё в возрасте двух лет, находясь за спиной сестры в перевязи «фуросики», в квадратном куске материи, который предназначался для переноски детей, он видел, как на площади портового города Фукуока, где они были среди толпы местных жителей, по решению суда отрубили головы самураям Имамуре Хякухатири и Масуде Сидзукате. Бившая из их шей фонтаном кровь отложилась в его памяти на всю жизнь. Став старше, от родственников он узнал, что казненные были из сословия сидзюку. Они подняли восстание против социальных реформ, проводимых японским правительством в период Мэйдзи, в результате которых самураям запретили носить холодное оружие, отменили выплаты государственных пенсий, ликвидировали самурайские сословные войска. Имамуре и Масуда стремились добиться самого главного — вернуть тот жизненный уклад, который им был так близок и с молоком матери, с рождения прививался, основываясь на воспитании благородства и беспрекословной преданности господину-феодалу, на осознании того, что воин в любой момент может и готов с достоинством умереть, защищая его. Только тот, кто понимал это, любил и ценил жизнь. Самурай, видя этот мир в многообразии красок, и готовясь к смерти, посвящал весь свой досуг саморазвитию и помощи близким. Он замечал то, на что люди в обычной суете не обращали внимание.

Рёхэй Утида прибыл в Российскую Империю не случайно, а из-за обиды причиненную японцам, которую он воспринимал как личную. Она словно огненный червь, разъедало его душу, било по самолюбию и, всё больше и больше требуя мести. Он не мог простить то, что Россия, Германия и Франция заставили Японию пересмотреть Симоносекский мирный договор, заключенный по итогам японо-китайской войны, и отказаться от захваченного ими Ляодунского полуострова, что привело к потере японского контроля над Порт-Артуром. Несмотря на уплаченную китайской Империей Цин контрибуцию, вынужденная уступка была воспринята в Японии, как национальное унижение.

Рёхэй Утида, не мог остаться в стороне от мести за причиненный позор, ещё по той причине, что, он был племянником Хираоки Котаро, первого председателя криминально-националистической группировки «Гэньёся» — «Общество черного океана», названного в честь моря Гэнкай, отделяющего Корейский полуостров от Кюсю, самого западного из островов Японии. Утида юношей вступил в эту организацию, поклявшись противостоять засилью иностранцев и экспансии Российской Империи. С упорством осваивая русский язык, своим друзьям он сказал: «Я собираюсь изучить внутреннее положение России и отомстить». Опыт подпольной работы приобрел не только в Маньчжурии и Корее, участвуя в качестве представителя «Гэньёся» в крестьянском восстании Тонхак, но и на Филиппинах, где вместе с местным населением сражался сначала против испанцев, а потом и против американцев. Будучи на нелегальном

положении за границей и в целях самообороны юноша совершенствовал свои навыки в будо, включив в ката Утида-рю работу с тростью, которая находилась при нём постоянно.

В тёплый июньский вечер 1898 года наполненный ароматом цветущих растений и запахами реки ветер еле заметно колыхал материю кимоно. Окружающая Утиду природа была в ослепительном наряде. Он впервые видел такое буйство и многообразие красок. Слышался плеск рыб в воде и жужжание летучих насекомых. В траве стрекотали кузнечики. Листок, сорвавшись с ветки, закружился и, упав в реку, был стремительно унесен течением. «О!» — невольно вырвалось у него восклицание. Лодка с гребцом ещё не показалась, и Рёхэй Утида почтительно приклонил колени перед этим даром богов, давая в душе клятву: «Весь азиатский мир превратится в такой же цветущий сад. В этом наша миссия». Его мысленному взору предстала картина, как на разделённом рекой пополам материке, включающем Сибирь и Маньчжурию, появятся селения его соотечественников, где такие как он, самураи, возвращая традиции прошлого, обретут со своими семьями новый дом и счастливое будущее.

Утида встал с колен и тростью старательно написал на песке иероглифы «коку» (чёрный) и «рю» (дракон), которые вместе образовали японское название реки Амур — «Кокурю». Через мгновение набежавшая волна небрежно развеяла надпись, но это было не важно, так как само слово и всё что с ним было связано не исчезли, а остались в душе самурая символом и осязаемой целью, которую он, будучи воином, не взирая на трудности и препятствия, обязан достичь, если смерть не остановит его. Странная штука — смерть. Образы тех, кого Утида лично убил либо отдал приказ убить сохранялись в его памяти, не вызывая каких-либо эмоций и сожалений, как обыденная необходимость. Другое дело, это впечатления от увиденной реки, которые расширяют горизонты возможностей и побуждают к решению масштабных задач не для него, а для всей нации японцев. Ради этого можно отдать и свою жизнь.

Рёхэй Утида вздрогнул от приближающихся к нему неспешных шагов. Сколько он был в задумчивости от нахлынувших на него воспоминаний? Мгновение либо минуты. Несмотря на то, что прошло три года со времени его возвращения из России в Японию, данные воспоминания наполнены реальностью и именно они вызвали ассоциации при создании в феврале текущего года при его участии Кокурю: кай — «Амурского союза», ещё известного, как «Общество чёрного дракона». Утида подумал, что это было сделано в хорошее время. На его квартире в токийском районе Кодзимати-сита 13 января 1901 года собрались 20 человек единомышленников, чтобы обсудить устав Общества и принять декларацию, в которой говорилось: «Поддавив силы могущественных западных держав, вторгшихся в Азию, необходимо начать войну, цель которой — возрождение Азии. Для этого первой неотложной задачей является война с Россией и изгнание её войск из Азии. После этого необходимо разработать основу для развития азиатского материка вокруг объединения Маньчжурии, Монголии и Сибири». 3 марта в Канда-Нисикитё, в здании Кинкикан, состоялась официальная церемония создания общества.

После организационной суеты и переговоров теперь можно было, наслаждаясь начавшимся цветением сакуры, перейти к кропотливой работе по подбору тех, кому будет оказана честь вступить в Общество и обеспечить реализацию основной цели — это завоевание Японией азиатского континента. Вот почему он находился сейчас в доме Мицуру Тояма, одного из основателей Общества, в самом живописном месте префектуры Сидзуока, у подножия горы Фудзи.

— Утида доно, наш гость еще не подошёл? Дав тайную клятву при вступлении, он должен слышать от нас слова поддержки и напутствия, перед тем как он покинет Родину, — присаживаясь рядом на циновку, произнес хозяин дома. Несмотря на возраст около пятидесяти лет борода и волосы у него были белыми как снег. Движения плавные. Глаза за очками излучали энергию, живо воспринимая происходящее.

В 1881 году Тояма совместно с Хираоки Котаро, дядей Утидо, стал одним из основателей тайного «Общества тёмного океана», которое, имея в своих рядах бывших самураев и преступ-

ников, осуществляло свою деятельность, в том числе террористического характера, устраняя политиков и иностранцев, мешающих достижению поставленных целей. Он также организовал тайное общество «Небесное переселение», включившую в себя военизированную силу, которая действовала в Корее, проводя разведку китайских и корейских военных объектов, мест развёртывания войск, а также осуществляя сбор информации об организации ими тылового обеспечения. Эта деятельность проводилась до вторжения японской императорской армии. Имея такой послужной список, Тояма оказывал огромное скрытое влияние на политиков-националистов и преступные синдикаты якудза. Именно такая поддержка необходима была Утиде, тем более, что «бос боссов» решил помочь ему и вошел в состав основателей Кокурю: кай.

— Тояма сама, я слышу его шаги, — поклонившись, сказал Утида.

В комнату вошел средних лет военный после поклона, он представился:

— Акаси Мотодзиро. Для меня большая честь быть приглашенным Вами.

— Акаси доно, располагайтесь. — Тояма жестом показал напротив себя.

Затем он позвал мастера чайной церемонии. Легкие его движения по взбиванию матча, ярко зеленого порошка с водой, и ароматный запах создали атмосферу спокойствия и умиротворенности. Долив горячей воды, мастер подал чашки присутствующим, а затем, поклонившись и сохраняя сосредоточенность, вышел из комнаты, из окон которой открывался прекрасный вид на заснеженные вершины Фудзиямы.

Тояма, насладившись чаем, продолжил: — Утида доно сообщит нам свои впечатления и мысли о России, где он провел несколько лет. Тем более, что мы считаем необходимым направить Вас из Франции военным атташе именно в эту страну. После рассказа Утида доно я скажу Вам почему это важно для нас.

Утида поклонился и, повернувшись в сторону Акаси, сообщил:

— Прибыв в марте 1898 года в Санкт-Петербург, я окончательно убедился в том, что мнение об опасности России для Японии не обосновано. Мораль в этой стране находится на низком уровне. Недовольство народа контролируется и сдерживается охранкой. Правящий класс считает задачей первостепенной важности лишь собственное возвеличивание. Положение внутри России, если случиться хотя бы срыв во внешней политике, станет настолько бедственным, что полностью исправить его будет невозможно. Революционеры пользуются ситуацией в своих интересах и планируют свержение самодержавия. В ответ российское правительство усиливает тайную деятельность за границей и ещё упорнее берет курс на внешнюю агрессию, в частности в Маньчжурии.

Акаси в знак согласия утвердительно покачал головой.

Утида продолжил: — Следовательно, Япония не сможет решить проблемы, имеющиеся в отношениях с Россией, дипломатическим путём, и тогда крупные столкновения неизбежны. Как раз сейчас, если между Россией и Японией возникнет конфликт, нет сомнения в том, что нашу армию ждет верная победа, а Россия, исходя из того положения, в котором страна находится сегодня, будет разгромлена.

— Я согласен с Вами, — сказал Акаси. Глаза его блестели от волнительного воодушевления, тем самым, подтверждая, что слова Утида задели его душу.

Внимательно наблюдавший за ходом беседы Тояма прервал молчание:

— Господин Акаси, однако, Вам не нужно делать поспешных выводов о том, что Японии не стоит опасаться России. Ваша главная задача заключается в том, чтобы установить контакт с революционерами и привлечь их на нашу сторону, чтобы совместными усилиями извне и изнутри разрушить Российскую Империю. При этом Вы должны найти за границей те силы, которые, как и мы ненавидим русских, и готовы оказать нам финансовую помощь для подкупа партий, ведущих борьбу против царя. Разведку можно оставить для Генерального штаба. Ещё раз повторю, для нас главное — это революционеры-террористы и деньги. Вы поняли меня.

Акаси, вступая в общество по рекомендации руководства Генерального штаба Японии, осознавал, что станет частью механизма, который должен скрытно нанести такой удар противнику, который его погубит. Теперь жизнь Акаси не принадлежала ему, а всецело зависела от воли этих людей. Будучи потомственным самураем, он считал это естественным, тем более, сейчас, когда Император и нация поставили перед ними такую великую цель.

— Я сделаю всё возможное, чтобы оправдать Ваше доверие ко мне, — с искренним почтением в голосе ответил Мотодзиро.

Тояма удовлетворенно посмотрел сквозь очки на собеседника. Он был один из них, не так давно отверженных, а теперь в преддверии большой войны, снова обретающих смысл своей жизни. Император, способствуя преобразованиям в экономике и военной сфере, стал больше уделять внимание возрождению в обществе идеологии и духа бусидо, что должно вдохновить поданных на подвиги и формировать у них преданность долгу. Начатое в 1870-х годах в эпоху Мэйдзи упразднение самураев как класса, а вместе с ним феодальной системы, к счастью волею проведения не сопровождалось уничтожением самурайской этики и дисциплины, которые теперь вновь служили образами для подражания. Как и прежде потомственные самураи возглавили борьбу за будущее своей страны. Их идеалы, формировавшиеся на основе конфуцианского учения гири, включая сыновью почтительность, безусловное почитание младшими старших, остались нормой человеческих отношений. Наиболее значимо это было для воинской службы в императорской армии, где, благодаря привнесённому в неё самурайскому духу, абсолютная преданность, готовности храбро сражаться, и если надо, не раздумывая отдать жизнь за интересы родины и Императора, приобрели форму неукоснительно соблюдаемых правил и принципов.

Тояма, обращаясь к Акаси, добавил:

— Наши люди, где бы Вы ни были, выйдут на связь. Утида доно позднее сообщит Вам пароли.

После того, как, поклонившись, военный вышел из комнаты Тояма и Утида продолжили неспешную беседу о том, что в Явата на Кюсю было закончено строительство гигантского сталелитейного комбината. Поэтому Японии, уже не столь сильно зависевшей от импорта чугуна и стали, теперь требовалось больше сырья из-за рубежа. Их порадовала весть о том, что 29 апреля 1901 года у принца Ёсихито родился первенец. Однако, из-за того, что он находился в загородной резиденции в приморском городке Хаяма, в первый раз ему удалось увидеть своего сына только 3 мая. Через два дня Мэйдзи дал ему имя Хирохито. Это был будущий император Сёва.

Глава 2

Стокгольм

Повернутая в бок голова висельника замерла в неестественном положении. Из приоткрытого рта виднелся язык. Закатившиеся вверх глаза особо выделялись на багрового цвета лице. Вестов в присутствии Макарова, заведующего Особого отдела Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской Империи, а также Владимира Николаевича Лаврова, начальника разведочного отделения Генерального Штаба закончил осмотр трупа Николая Ивкова, бывшего бравого ротмистра, штаб-офицера по особым поручениям при Главном интенданте русской армии. Стоявшие поодаль жандарм и охранник, вытянувшись по стойке смирно, только пучили глаза на начальство и ничего вразумительного не могли сказать по поводу данного самоубийства. Александр Вениаминович Эллис, генерал от инфантерии, комендант Санкт-Петербургской, она же Петропавловской крепости, озадачено, смотря на тело лежащего в одиночной камере человека, отметил:

— Господа, я в затруднительном положении, чтобы пояснить произошедшее. Шнурка, на котором повесился Ивков, у него не должно быть. Мы проводим тщательный осмотр перед тем, как помещаем арестанта в камеру.

Переведя суровый взгляд на своих подчиненных, лица которых от бледного приобрели оттенки зеленого цвета, отчетливо добавил:

— По данному факту под моим личным контролем будет проведено служебное расследование, и виновные понесут заслуженное наказание.

Обратившись к гостям, он более в спокойном тоне отметил:

— Господа, в кратчайшее время я направлю в Ваш адрес рапорт с подробным изложением случившего и, с указанием всех лиц, которые в это время несли службу.

Вестов, смотря на тело Ивкова, вспомнил, как обреченно он выглядел на допросе, который был проведен сразу после его задержания. Это был не человек, а потерявшее всякий смысл жизни существо. Хотя с его же слов, главное к чему он стремился это деньги, дающие возможность удовлетворять плотские потребности в еде, женщинах. Он привык к комфортным условиям, создавая их только для себя. Ради денег он пошёл на предательство, не думая о своей душе, и том горе, которое как следствие его действий постигнет других людей, когда враг, используя переданную им информацию, их уничтожит. Погибнут сотни и тысячи, но это Ивкова не уже не касалось, он получил то, что хотел, при этом «продав душу дьяволу», как сказали бы христиане. После себя, он оставил начавшее разлагаться и распространять зловоние в лохмотьях тело, тем самым, свидетельствуя о том, что, лишившись возможности в удовлетворении своих плотских страстей, он был обречен, так как пустая, неспособная к состраданию душа не знала иного смысла в жизни, как потреблять. В этот момент Вестов вспомнил о другом человеке, Николае Морозове, о котором он ранее слышал, как о народовольце, причастном к террористической деятельности. Просмотрев материалы дела, он с удивлением обнаружил в его лице пример негибимой воли и мужества, который в суровых условиях заключения в Шлиссельбургской крепости нашёл в себе силы, чтобы в течение 22 лет вести научные исследования в области химии, минералогии, астрономии и изучения хронологии истории, сопоставляя библейские сюжеты с событиями, подтверждаемыми астрономическими данными.

Лавров и Макаров вышли из камеры. Эллис, оставаясь в ней, ещё отчитывал своих подчиненных, когда Вестов, случайно подняв глаза вверх, увидел в тёмном углу под потолком нечто напоминающее бледно-зеленное колыхающееся жилае, от которого по склизкой стене висели переплетающиеся между собой нити и отростки. Оно медленно двигалось в сторону охранника и жандарма, затем сделав резкий прыжок, повисло на спине последнего и через уши стало вте-

кать в его голову. Он не замечал, как вызывающая отвращение прозрачно пульсирующая сущность, слабо переливаясь, проникает в него. Приглядевшись Вестов, увидел чуть заметный, светящихся след, идущий от тела Ивкова к стоящему напротив Элліса жандарму, у которого вдруг покраснели глаза и на висках вздулись вены. Закашлявшись, он опустился на колени и схватился за горло. Из открытого рта на пол вывалилась похожая на паука бурая сущность. Её вытеснила та, что покинула тело Ивкова. Вскочив на тоненькие ножки, она стала метаться между людьми, а затем словно на ходулях, оставляя за собой чёрный шлейф, побежала по коридору вдоль камер, ища себе новую жертву. Жандарму помогли подняться на ноги и он, пошатываясь, поплелся за генералом. Кроме Вестова никто ничего не заметил, который, выходя из крепости, перекрестился и подумал: «Не уже ли это те твари из моих видений?».

Спасаясь от начавшего дождя, Макаров застегнул плащ на все пуговицы.

— Александр Константинович, что будем говорить директору Департамента полиции, господину Лопухину в оправдание. Вот в чём вопрос. Хотя формально, генерал Элліс должен отдуваться за такое разгильдяйство. Главное, что мы со смертью Ивкова лишились зацепки, а это плохо. Война с японцами уже началась, а у нас единственно значимый шпион и тот повесился. Сам военный атташе Акаси отбыл толи в Германию, толи в Стокгольм, а может быть в Париж. Так, что одни проблемы. Да ещё эсеры активизировались.

Лавров с пониманием посмотрел на коллег.

— Господа, наше взаимодействие в отношении иностранных представительств я полагаю, сохраняется. Сожалею, что в отношении Ивкова всё так вышло. Считаю, что подкупили охрану, и та убила его, но не дело военной контрразведки заниматься этим. Разбирайтесь господа полицейские, разбирайтесь, а мне необходимо ещё выяснить какую информацию шпион передал германскому агенту подполковнику барону фон Лютвицу, о котором он упомянул, когда был ещё жив.

Пожав на прощание руки Вестову и Макарову, он по-военному отдал рукой честь и, развернувшись, быстрым шагом направился к ожидавшему его экипажу с извозчиком на козлах, одетом в темно-синей армяк и с грибообразной шапкой на голове.

Вестов, уже находясь в своем кабинете в Особом отделе, раз за разом прокручивал им увиденное в камере. Однако, подобрать с позиции рационального какое-либо объяснение этому не мог. Понимая всю безуспешность данного занятия, он переключился на изучение донесений от агентуры и поступившей от дешифровальщиков информации, так как понимал, что в стране день ото дня ухудшается социально-политическая ситуация, а верховная власть пребывает в нерешительности, преимущественно принимая ситуационные решения. В феврале текущего года директор Департамента полиции Лопухин приказал собрать сведения обо всех японцах, проживающих в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии. Дополнительно он назначил куратором розыскной работы по выявлению подозреваемых в военном шпионаже жандармского ротмистра Владимира Францевича Модля, помощника начальника Санкт-Петербургского охранного отделения. Отчитываться он должен был о проделанной работе лично Лопухину. Узнав об этом, Вестов не удивился, тем самым считая, что директор Департамента полиции имеет право подстраховаться и таким образом подключить жандармерию к борьбе с иностранными разведками. Ход мыслей Вестова, прервал Макаров:

— Александр Константинович, нас вызывает Лопухин.

Они прошли коридорами департамента и перед входом в кабинет директора, их остановил секретарь, попросив подождать. Прошло около получаса, как дверь открылась и Алексей Александрович, пригласил их пройти.

— Господа, по дипломатическому каналу поступила информация о назначении Акаси Мотодзиро, военным атташе при посольстве в Швеции, и это странно. Ведь он совсем недавно, после выезда из России прибыл в Берлин. Кстати в Стокгольме японцы только что открыли

дипмиссию. Создаётся впечатление, что это связано с прибытием туда Акаси. Однако, нам не следовало бы уделять ему столько внимание, если бы ни одно «но» и это, господа, главное.

Он многозначительно посмотрел на присутствующих. Затем подошел к двери и, убедившись, что она плотно прикрыта, понизив голос сказал:

— Господа, только что поступило сообщение о гибели под Порт-Артуром на японской мине броненосца «Петропавловск» и, что более прискорбно, вместе с командующим эскадрой вице-адмиралом Макаровым. Это после того, как с началом войны японцам удалось вывести из строя броненосцы «Цесаревич» и «Ретвизан», а также крейсер «Паллада», а в Чемульпо после неравного боя был затоплен крейсер «Варяг» и взорвана канонерская лодка «Кореец». Первая Тихоокеанская эскадра оказалась в крайне тяжелом положении, и Порт-Артур в осаде.

Лопухин прошелся по кабинету и, остановившись, плохо скрывая волнение, сказал:

— Вы понимаете какая реакция будет в обществе? От разочарования до негодования. Естественно, что этим обязательно воспользуются революционеры, тем более, что от зарубежной агентуры поступила информация о стремлении японцев установить контакт с их лидерами, которые в большинстве своём в настоящее время находятся в эмиграции. Цель одна — спровоцировать обострение внутривластной ситуации в нашем Отечестве, и это на фоне поражений на фронте, роста числа убийств госслужащих. Нам, господа, ещё не хватает вооруженного восстания народа. Поэтому незамедлительно по согласованию с министром внутренних дел Плеве принято решение выявить и пресечь данную подрывную деятельность, так что приступайте к разработке плана разведывательных и контрразведывательных мероприятий, которые будут осуществляться за рубежом. Группу формируйте из числа проверенных и опытных сотрудников. С ситуацией внутри страны справятся жандармы и наши коллеги из охраны.

Лопухин сел в кресло за свой рабочий стол, помолчав, добавил:

— Александр Константинович, Вы возглавите группу. Нам нужно предупредить противника. Учитывайте то, что этот вопрос на личном контроле у министра, поэтому спрос будет особый.

Выполняя распоряжение руководства, началась активная подготовка сотрудников к командировке. Помимо составления и согласования плана, разрабатывались легенды прикрытия, проводился анализ оперативной обстановки в тех странах, где они планировали действовать, а также решались вопросы финансового и материально-технического обеспечения. Однако, ещё одна ни менее важная проблема волновала Вестова, с каждым днём только усиливая потребность в поиске путей её решения. Она была связана с тем эмоциональным шоком, который он испытал, осознав, что исчезновение трех участников полярной экспедиции во главе с бароном фон Толлем, было связано с видением, которое у него возникли в момент общения с сущностью в Уссурийской тайге. Оно было настолько реалистичным, что Вестов уверовал в сам факт произошедшего контакта.

Он отчетливо помнил, что, пребывая в состоянии между жизнью и смертью, провалившись под снег, его сознание воспринимало картины прошлого, начиная с прибытия к Земле в сопровождении человекоподобных существ Творца с последующим её преобразованием и до создания жизни во всём многообразии видов, включая появление и развитие человека. Участие в этом двухсот ангелов, которые в нарушение воли Всевышнего, не только вступили в отношения с земными женщинами, но и передали людям свои знания, тем самым, по своему подобию, формируя их сознание, навыки в деятельности и в целом мироощущение, основанное на творчестве и созидательной мудрости. Это позволило совместно с великанами, детьми ангелов, возвести гигантские сооружения, обеспечивающие благоприятную среду для обитания всего живого на Земле, а также их защиту от воздействия небесных тел. Воцарившаяся на Земле гармония между природой и людьми была вершиной их развития, и продолжалась бы до настоящего времени.

Однако, из мрака вселенской бездны на планету проникли иные энергетические сущности. Они стали, не только паразитировать в живых организмах, потребляя их жизненные

силы, но и управлять ими, как кукловод марионетками. Чем больше было негативных эмоций, агрессии, злобы, смертей, тем сильнее они становились, насыщаясь выделяемой энергией горя и боли. Вестов подумал, что, вероятно, это были те твари, которых не так давно он видел в камере у тела Ивкова. Тяготила мысль, что из сложившейся реальности нет выхода по той причине, что инстинкты доминирования и удовлетворения личных страстей с каждым днём у людей только преобладали над необходимостью поддержания гармонии, усиливая, тем самым неравенство, и порождая рабство, губительный хаос, приносящий паразитам требуемый им результат. Поэтому видение, связанное с обнаружением Толля и его товарищей, входящими под призывный трубный глас во врата гигантского похожего на скалу объекта, возвышавшегося среди торосов замершего моря, воспринято было Вестовым как луч надежды на спасение. Он не забыл, как его губы сами прошептали: «Если есть распятие России, то будет и её Воскресение. Творец поможет нам», и у него возникла уверенность в том, что четверо посланников шли именно за Спасителем, чтобы, он, вернувшись на многострадальную Землю, помог живущим очистить души от скверны и выбрать истинный путь мудрости, созидания и правды. Вестов был убежден, что ему нужно их встретить, но «Где?» и «Когда?». Он мучительно искал ответ на эти вопросы, понимая, что без посторонней помощи ему не справиться, тем более, что для большинства людей мир невидимый, несмотря на погружение в него окружающей нас реальности, по причине ограниченности их восприятия был неосознаваем, и значит на обыденном уровне, не существовал.

Интуитивно Вестов хотел встречи с Морозовым, заключенным Шлиссельбургской крепости, и это было не случайно. Хотя, ранее они не были лично знакомы из-за разницы в возрасте в двадцать пять лет, однако обоих связывало участие в деятельности «Народной воли», члены которой стремились свергнуть самодержавие, провести демократические реформы и социальные преобразования. Ими двигали, как они считали, благие побуждения — чувство справедливости и жертвенность во имя всеобщего счастья. Однако, из-за отношения к выбранному народовольцами методу борьбы в форме индивидуального террора, который размывал границы между добром и злом, жизнь Вестова и Морозова сложилась по-разному. Они были примерно в одном возрасте двадцати с небольшим лет, когда один, будучи основателем идеологии террористической борьбы, принял активное участие в подготовке убийства императора Александра II и в осуществлении серии взрывов, а второй уже после того, как организация была разгромлена, предприняв с другими единомышленниками попытку её возрождения, пришёл к пониманию того, что террор есть зло, которое необходимо остановить. Уже проходя службу в полиции, он лично мог убедиться в том, что жертвы и горе затмевают цели революционной борьбы, и не оправдывают средства их достижения. При этом, став по разные стороны баррикады, как ни парадоксально, они, тем ни менее, остались единомышленниками в понимании того, что такое справедливость, честь и достоинство. Из материалов дела следовало, что сила духа позволила Морозову не только выжить в суровых условиях заточения, но и обрести нечто новое в понимании прошлого и окружающей его реальности.

Вестов, сославшись на необходимость уточнения информации по тем революционерам из бывших народовольцев, которые пребывали за рубежом, получил в Департаменте полиции разрешение на встречу с заключенным. До командировки оставалось несколько дней, когда он в сопровождении унтер-офицера из специальной команды жандармов, на лодке приближался к каменным стенам крепости. Густой туман над Невой, чуть заметно колыхаясь от слабых порывов ветра, окутал башни плотным облаком. Возникло ощущение призрачности и не реальности происходящего. Первые лучи солнца пытались пробиться к земле через сгустившиеся на востоке грозовые тучи. Пошёл дождь, и вдали раздались раскаты грома. Вестов невольно вспомнил, один из любимых им романов Александра Дюма — «Граф Монте-Кристо». Словно замок острова Иф, Шлиссельбургская крепость уже своим видом внушала страх, как место, из которого редко кто возвращался, где стены, казалось, пропитаны ужасом одиночества и обре-

ченности. Скучная пища, запрет на переписку с родственниками, карцер за перестукивание между камерами, а за оскорбление персонала тюрьмы действием — неминуемая смерть приводили к тому, что многие заключенные сходили с ума, гибли от цинги и туберкулеза, либо заканчивали свою жизнь самоубийством. Комендант тюрьмы жандармский полковник Гангард с любопытством смотрел на Вестова, когда они вместе шли к камере, где содержался Морозов. Дойдя до неё, в тоне, не терпящем возражений, сказал:

— Александр Константинович, для беседы не более десяти минут. Охрана за дверью, если потребуется, сразу зовите.

Вестов до этого момента, уже неоднократно представлял себе разговор с народовольцем, но оказавшись внутри камеры, в первое мгновение не знал с чего его начать. В сумраке помещения, размерами три на четыре метра с зарешеченным окном и мутными грязными стёклами, сразу не удалось разглядеть лицо стоящего у стены истощенного, небольшого роста человека, в серой, пошитой из грубой ткани, арестантской одежде. В изголовье железной кровати с тонким матрасом лежал потёртый бушлат. Сесть на неё не представлялось возможным, так как края были повернуты вверх. На крышке прикрученного к полу маленького столика находились аккуратно сложенные немногочисленные книги, тетрадь и карандаш, а в углу, контрастируя со всем остальным, стояли школьная доска и самодельная конторка.

— Проходите господин начальник. Предложить сесть не могу, сами видите какая койка. Мне сказали, что Вы из Департамента полиции. Чем могу быть полезен?

Тихий с хрипотцой голос, звучал спокойно. Вестов, приглядевшись, увидел с белесой поволокой глаза, которые изучающе смотрели из-под стекол очков. Тонкая металлическая оправа тускло поблескивала в скудном свете. Это был скорее взгляд учителя, который наперед знал то, что будет говорить его ученик, чем человека, обезумевшего от одиночества. Внимание и в тоже время снисходительность исходила от них. Морозов словно прервался от важного дела и вынужденно ожидал, когда можно будет к нему вновь вернуться.

— Добрый день Николай Александрович. У меня мало времени, поэтому я кратко расскажу о себе и о том, почему я здесь. Возможно, Вы посчитаете меня сумасшедшим, но есть факты, в реальность которых я не сомневаюсь.

Морозов слушал, а Вестов подробно сообщил ему о своих видениях, в том числе об обстоятельствах исчезновения членов полярной экспедиции во главе с бароном Толлем. Это не заняло много времени. В наступившей тишине Морозов в задумчивости молчал, где-то далеко был слышен крик чаек, шум волн, дождя и раскаты грома. Затем, он сказал:

— Если это произойдет, то мир стоит на пороге глобальных изменений, последствия которых трудно себе представить. Однако, я всего лишь исследователь, поэтому без какой-либо информации мало Вам буду полезен. Сфера моих интересов в основном это астрономия, с помощью которой я позволил себе проверить верность тех событий, которые изложены в Новом Завете. Не сомневаюсь, что нас окружает достаточно лжи, распространение которой выгодно, прежде всего, власти имущим, чтобы оправдать себя либо возвеличить через изменение истории. Не скрою, что потрясен услышанным от Вас. Я слабо надеялся на то, что легенды, сказания о прошлом — это послания нам в настоящее, а пока вот смотрите.

Показывая на свой стол, он пояснил:

— Библия, книги по астрономии, химии и минералогии — это то, что власти позволяют мне здесь иметь. Однако, находясь в изоляции, я не лишен возможности думать, искать истину. У меня никто не может отнять тех знаний, которые, будучи молодым человеком как Вы, я успел получить. Это тот багаж, который всегда со мной.

Говоря это, Морозов словно помолодел, от воспоминаний в его глазах зажглись искорки. Он добавил:

— Александр Константинович, я верю Вам, и по возможности помогу. Проведенные годы в тюрьме научили меня многому и в частности терпению, которого так не хватало в молодости,

когда казалось, что все средства хороши в удовлетворении амбиций. Однако, я не учёл, что на горе и страданиях других людей сложно построить нечто крепкое и устойчивое, тем более своё счастье. Это иллюзия, так как при первой же возможности, и я в этом уверен, весь негатив вернется. Конфуций, отвечая на вопрос своего ученика Цзы-гуна: «Можно ли всю жизнь руководствоваться одним словом?», сообщил ему: «Это слово взаимность. Не делай другим того, что не желаешь себе». Однако, юношеский максимализм, который кто-то извне так старательно использовал, и привел к этому итогу. Я и мои товарищи по борьбе, как я теперь понимаю, были инструментом в руках более опытных и изощренных сил, которые умело, нашими руками сеяли хаос и смерть. К сожалению, тех, которых я любил, не стало. Они ушли в небытие, оставив о себе только память.

Морозов вздохнул и, сняв очки, стал протирать тряпочкой их стекла. Вестову показалась, что по щеке заключенного пробежала слеза. Прощаясь, они пожали друг другу руки, такие разные и в тоже время очень схожие по отношению к жизни и окружающему их миру.

— Николай Александрович, желаю Вам скорейшего освобождения. Надеюсь на новую встречу, тем более, что нам есть о чём поговорить.

Расстались они без какой-либо враждебности и подозрительности, каждый в своем мире надежд и ожиданий, но теперь у них было общее — сделать реальностью то, что казалось ранее недостижимой целью. Отбросив все заблуждения, опираясь на помощь Спасителя, обрести истинный путь к новой, более справедливой жизни, не через подавление людей, а формирование ими осознанного желания изменить жизнь к лучшему. Отчалив от крепости, Вестов ещё долго думал о состоявшемся разговоре. Даже будни не сразу сгладили впечатление о Морозове, при этом напомнив о другом человеке — это Николае Викторовиче Фурце, с которым Вестов познакомился в Харбине. Несмотря на то, что его гибель от руки японского шпиона оставила неизгладимый след в душе, Вестов был убежден, что смерть Фурца не была напрасной. Он сделал свой выбор, когда, борясь на стороне добра с тем, что считал злом, как и Морозов, пришел к пониманию необходимости внутреннего совершенствования для постижения истины и обретения гармонии в себе и с окружающим миром.

Однако, текущие реалии настойчиво требовали от Вестова внимания и личного участия. Прошло не так много времени, когда в один из будних дней в порту Санкт-Петербурга на борт парохода, осуществлявшего регулярные рейсы в столицу Швеции Стокгольм, поднялась группа пассажиров. Несмотря на моросящий летний дождь на палубе было достаточно желающих попрощаться со стоящими на пирсе провожающими. Одни махали руками, другие пытались, несмотря на расстояние и шум, о чём-то докричаться. Женщины украдкой вытирали платочками слёзы, а мужчины попыхивали дымом сигарет и трубок. После того, как убрали трап, судно под один продолжительный и три коротких гудка, медленно отчалив, совершило поворот и, уверенно рассекая темные волны, отправилось в путь.

Пассажиры стали расходиться по каютам, соответствующим их статусу и материальному достатку, от комфортабельных первого класса до третьего, где удобства были минимальными. К каютам второго класса направились несколько человек, говоря на немецком языке. У стороннего наблюдателя могло возникнуть предположение, что это небольшая туристическая группа германских «рейхсдойче», состоящая из молодых людей, которые достаточно эмоционально обсуждали то, что, вероятно, увидели в Санкт-Петербурге. Высокий мужчина и «фройляйн» отделились от товарищей и остались на верхней палубе. Слышался плеск воды и крик чашек. Вестов, а теперь по документам коммерсант Генрих Шмид, осторожно, боясь причинить боль, сжимал в своей руке пальцы Зины. Они в Особом отделе работали около года, с каждым днём всё больше и больше симпатизируя друг другу. Сначала лоя изучающие и стеснительные взгляды, а затем и улыбки. Прошлым маем, когда он чуть было не погиб от взрыва бомбы, именно Зина, находясь рядом с ним в госпитале, своей поддержкой способствовала его выздоровлению. Он просто не мог себе позволить показать ей свою слабость и беспомощность.

Встречный морской ветер, наполненный каплями дождя, пытался перепутать завитки волос на лбу девушки в набирающей популярность короткой стрижке «бубикопф».

— Александр Константинович, не переживайте. Я справлюсь. По-немецки и по-шведски говорить меня научила бабушка. Вы же проверяли мои знания. Да и работа администратором в гостинице, схожа с той, которую я делаю в отделе. Те же бумаги и общение с людьми. Немного практики и, я думаю, что не подведу. Тем более, что Вы будете рядом и не забывайте, что я Ваша невестка, Мария Бергер.

Она положила голову на плечо Вестову и улыбнулась.

— Зина, Зина. Девочка моя, — подумал он, погладив её по волосам. — Как же так получилось, что мне не удалось найти другую кандидатуру для участия в операции. Оправданий мне нет. Он пытался успокоить себя тем, что командировка продлится не долго. Да и в Стокгольме он будет рядом с ней.

В порту столицы Швеции местные пограничники проверили документы и, узнав о туристической цели прибытия, порекомендовали посетить Королевский дворец, старый город Гамла Стан с узкими улочками и площадями, а также Скансен, этнографический музей под открытым небом. Выйдя из здания порта, группа разделилась. Трое мужчин на экипаже, поехали в западную часть города, а Вестов со своей спутницей направился в городской округ Норрмальм, где располагалась главная торговая улица Стокгольма — Дроттнинггатан, а также на небольшом удалении от неё находился Центральный железнодорожный вокзал. В конспиративной квартире на улице Аперлбергсгатен их уже ждал сотрудник российской дипломатической миссии.

— Александр Константинович, разрешите представиться. Нестеров Сергей Викторович. Шифровку из Санкт-Петербурга о прибытии группы получили своевременно, поэтому помимо этой квартиры недалеко от посольства Японии сняли дом. Кстати посольства Германии, Финляндии и Великобритании, находятся с ним рядом.

Это был среднего роста, лет тридцати мужчина с внешностью канцелярского служащего. После того, как вещи были разнесены по комнатам, Нестеров поставил на стол кожаный чёрный портфель и, достав папку, протянул её Вестову:

— Это досье на Акаси, а также то, что удалось получить о собственниках гостиницы, где он проживает в настоящее время.

Обращаясь к девушке, он добавил:

— Все удобства в конце коридора направо. Лавки с продуктами через два дома. Сейчас приготовлю кофе и бутерброды. Располагайтесь.

Вестов, поблагодарив Нестерова, невольно улыбнулся от такой расторопности дипломата. Видимо не часто ему приходится встречать гостей. Как правило, работа в миссии либо посольстве заключалась в рассмотрении разных ходатайств, писем, официальных обращений, одним словом, в делопроизводственной деятельности, а тут потребовалась помощь в обеспечении группы из Особого отдела Департамента полиции. С целью соблюдения конспирации Нестеров, беседуя с Вестовым, пробыл в квартире до темноты. Оговорив время и место следующей встречи, он, попрощавшись, через запасной выход прошел во двор дома, а затем скрылся в ночи.

Сведения из досье, полученные филерами и из дипломатических представительств России за рубежом, свидетельствовали о том, что Акаси Мотодзиро, в январе 1901 года в качестве военного атташе направился во Францию, а уже в ноябре 1902 года был переведен из Парижа в Санкт-Петербург. Вестов обратил внимание на тот факт, что японец, свободно владея французским и немецким языками, не знал русского. Далее сообщалось, что устанавливать связи в России ему активно помогал Уэда Сэнтаро, японский стажер из Петербургского университета. Это позволило Акаси в 1903 году познакомиться, а затем и нанять в качестве учителя русского языка 30-летнего латышского студента Яниса Янсонса. В начале 1904 года, в резуль-

тате оперативного наблюдения зафиксирован факт обращения в японскую миссию австрийского подданного инженера Николас (Миклош) Балог де Таланта (M. (N.) Balogh de Galantha), который, живя в Санкт-Петербурге, официально торговал оружием. Агентурным путём было выяснено, что он стремится стать посредником между японскими дипломатами и представителями финской оппозиции, которые борются за расширение автономии Великого княжества. При этом, Балог снабдил Акаси стокгольмским адресом видного финского ссыльного оппозиционного деятеля Йонаса Кастрена (Jonas Castren). Отдельный раздел был посвящен контактам Акаси с Николаем Ивковым. 10 февраля 1904 года, в день публикации манифеста микадо о начале войны и после вручения посланником Курино ноты о разрыве отношений с Россией, японская миссия в полном составе выехала из Петербурга в Германию, за исключением секретаря Тано, ранее погибшего в столице. 14 февраля, по приезду в Берлин, Акаси отправил на стокгольмский адрес Кастрена письмо. Однако ответа не получил. Уже 19 февраля 1904 года он прибыл в Стокгольм, поселившись в фешенебельном отеле «Рюдберг» (Rydberg), расположенном в центре столицы, на площади Густава Адольфа. Из досье следовало, что данная гостиница ранее была передана в аренду уроженцу Франции Жану Франсуа Режи, а затем его вдове Карлине Роберг, которая в 1902 году умерла. В настоящее время ею управляла их дочь Алис Нильссон. Читая описание привычек, Вестов обратил внимание, на её увлеченность антиквариатом, особенно ювелирными изделиями в стиле ар-нуво (Art Nouveau), где при отрицании массового производства изделия внимание уделялось ручному труду по созданию мастером художественного образа.

На следующий день, встретившись с Нестеровым на конспиративной квартире, Вестов передал ему записку с просьбой достать ему украшение, сделанное французским художником-ювелиром Рене Лаликом. Через несколько дней данное поручение было выполнено дипломатом. Полученная от него брошь, свидетельствовала о высоком мастерстве того, кто её изготовил. Поверхность, покрытая цветными полупрозрачными эмалями и драгоценными камнями, мерцала и переливалась на свету.

В один из дней Вестов, ведя наблюдение за Алис Нильссон, увидел, как она входит в антикварный магазин. Последовав за ней, он прошёл в глубину зала, где, стоя перед витриной с посудой, женщина по-шведски беседовала с продавцом. Вестов склонился над изящно сделанной брошью в виде стрекозы. Перепончатые крылья были очень похожи на настоящие. Глаза и спинка насекомого из синего переливающегося камня притягивали внимание. Краем глаза он заметил, что Алис, закончив разговор, с продавцом также перевела взгляд на брошь.

— Какая она красивая, — сказала женщина по-французски.

— Мадам у Вас очень хороший вкус. Это пример того, как использование природного мотива позволяет на новом уровне воплотить задумку автора о сохранении через данный образ впечатление от летнего дня.

Убранные назад волнистые волосы под широкой шляпой с пером цапли, минимум макияжа и голубые глаза придавали лицу женщины открытость и уверенность в себе.

— Вы француз — спросила Алис.

— Нет, но имел возможность жить и работать в Париже. Вы, как могу убедиться, хорошо разбираетесь в стиле ар-нуво.

— Немного, — ответила она. — Я сейчас, хотела приобрести что-нибудь для своей подруги на день рождения, но пока не нашла.

— Мадам, какое совпадение. Я намеревался сдать в этот антикварный магазин одно, принадлежащее мне украшение.

Вестов достал брошь, в виде бабочек. Глаза Алис заблестели, и в удивлении она посмотрела на собеседника.

— Вы хотите её продать? Это же сделано самим Рене Лаликом.

— Я знаю мадам, но иногда возникает необходимость предложить это любителю настоящего искусства.

Алис взяла брошь и стала внимательно разглядывать. Потом поинтересовалась о цене, и была приятно удивлена стоимостью ювелирного изделия.

— Господин, — сказала она. Вестов представился.

— Господин Шмид, — продолжила она. — Приходите сегодня часа через два в отель «Рюдберг», там и продолжим наш разговор. — Не забудьте взять брошь. Она, не оглядываясь, вышла из магазина, изящно придерживая рукой платье, шлейф которого скользил по полу.

В назначенное время Вестов вошёл в вестибюль, а затем подошел к ресепшену отеля. Администратор услышав, что он ищет Алис Нильссон, предложил следовать за ним. Пройдя лестничную зону, они по коридору попали в уютный бар. За отдельным, небольшим столом, расположенном за перегородкой, в бархатном темно-синем платье сидела его недавняя знакомая. В её руке был бокал вина. Показав жестом, чтобы он расположился рядом, Алис спросила по-французски:

— Вы надолго приехали в Стокгольм? Этот отель принадлежит мне, и я могу порекомендовать Вам здесь остановиться.

Вестов, поблагодарив за приглашение, сообщил, что всё будет зависеть от его дел, связанных с коммерцией. Затем разговор перешёл на обсуждение предложенного им ювелирного изделия. Цена Алис устроила, и она с удовольствием приобрела брошь.

— Господин Шмид я благодарна Вам за оказанную помощь в выборе подарка. Может быть у Вас есть проблемы, в решении которых возможно моё участие?

— Госпожа Нильсон, да, у меня есть небольшая просьба к Вам. Могу ли я попросить устроить, например, в данный отель, мою невестку. Она очень хотела поближе познакомиться со Швецией. Пока я буду в отъездах, она сможет не только получить хорошую практику в изучении языка, но и лучше понять уклад жизни, традиции Вашей страны.

Алис, сделав глоток вина, и видимо что-то решив, сказала:

— Пусть завтра она в это же время подойдет. Мне нужно с ней поговорить. Обещать за ранее ничего не буду. Как вы понимаете, это самый лучший отель в Стокгольме, поэтому требования к персоналу достаточно высокие. Генрих, если ещё что-нибудь интересное попадется к Вам, не забудьте мне это показать.

Прощавшись, Вестов вышел из отеля и направился на конспиративную квартиру, где Зина ждала известий. На следующий день она встретилась с Алис и произвела на неё положительное впечатление. В ходе разговора была достигнута договоренность о том, что Зина устроится администратором на испытательный срок. Уже работая в отеле, она сообщила Вестову, что высокий, по моде одетый мужчина, который представился, как Конни Цилликаус, журналист, попросил сообщить господину Акаси Мотодзиро, что он ожидает его в холле. После встречи и непродолжительного разговора они прошли в номер японца. Вестов получив данное известие, выяснил у Нестерова, что Конни является финским политическим эмигрантом. Установив за ним негласное наблюдение, в один из дней было зафиксировано, что Акаси и финн проследовали на экипаже в дом, где жил Кастрен, которому ранее писал Акаси с просьбой о встрече. Пробыв там несколько часов, они разъехались по местам своего проживания. Рутинность слежки за Асаки оправдала себя, тем, что через некоторое время был установлен контакт японца с офицером шведского Генштаба капитаном Иваном Аминовым, а затем его видели в компании с капитаном Нильсом Дэвидом Эдлундом, начальником отдела России в Генштабе, а также с лейтенантом Классом Аликсом Клингенстерна. Затем Акаси уехал в Польшу, а далее в Краков, который принадлежал Австрии. Там он встретился с Романом Дмовским, одним из лидеров польской националистической «Лиги народной».

Из России Вестову поступило сообщение, что военный министр Швеции приказал капитану Эдлунду, который ранее контактировал с Акаси, отправиться наблюдателем в российскую

армию, действующую в Маньчжурии. В совокупности с ранее полученной информацией усматривалось, что военные этой страны осуществляли разведывательную деятельность в интересах японцев, тем самым допуская прямое нарушение нейтралитета, который был официально объявлен Швецией с началом дальневосточного конфликта. В сложившейся ситуации Вестов понимал, что только ведение негласного наблюдения было уже не достаточно. Катастрофически не хватало шифровальных кодов, чтобы с их помощью можно было читать переписку японцев и понимать их замыслы.

В окна дома, где находился Вестов и его подчиненный Сёмин, через улицу Скарпёгатан, было хорошо видно небольшое каменное двухэтажное здание дипломатической миссии Японии. Вдоль металлической ограды на холодном мартовской ветру раскачивались ветки одиноко стоящих деревьев. Листвы ещё не было, поэтому всё это выглядело сиротливо и грустно. Моросил дождь. На улице быстро темнело. Газовые фонари зажглись у входа в здание миссии, когда Вестов, обращаясь к Сёмину, сказал:

— Алексей, я прогуляюсь вдоль забора наших соседей, так что не теряй меня. Хочу ещё раз кое-что уточнить.

— Александр Константинович, погода плохая, не простудитесь.

Позже Вестов на совещании с членами своей группы, предложил побудить японцев к тому, чтобы они покинули здание миссии вместе с наиболее ценными документами. Он не исключал той возможности, что они поедут к военному атташе Акаси, в гостиницу, расположенную в центре города. Вести наблюдение приходилось здесь возле миссии и там, где проживал Акаси. На прошлой неделе уже думали, что японец останется в отеле, как он ночью направился вместе Конни Цилликаусом в дом Кастрена. О чём они там договаривались, выяснить не удалось.

Дойдя до перекрёстка улиц Скарпёгатан и Гёрдесгатан, Вестов увидел, как с внутреннего двора здания, выезжает коляска. Ему пришлось вернуться и вместе с дежурившим в экипаже вторым своим подчиненным Орловым, на расстоянии начать за ней движение. Через некоторое время стало понятно, что она направляется в район Худудден, где находилась пристань с множеством лодок. На удалении от отдельно стоящего здания коляска с неизвестными людьми в ней остановилась. Темнота и сгустившийся туман до минимума сократили видимость. Вестов и Орлов, оставив экипаж среди деревьев, пошли мимо ряда лодок, стоящих вдоль дороги к дому, над входом которого мерцал слабый свет фонаря. Ночную тишину нарушал мерный шум волн. Укрывшись за стволами деревьев, они стали наблюдать. Не прошло и пяти минут, как раздались выстрелы, и звук разбившегося стекла. На улицу через окно выпрыгнул человек, который, прокатившись по дороге, попытался встать, но ноги его не слушали. Практически сразу в дверном проёме возникли две невысокие фигуры его преследователей. В руке одного из них поблескивал металлический удлиненный предмет.

— Катана, — сказал Вестов, доставая браунинг из кобуры. Орлов, последовав за своим начальником, взвёл курок револьвера.

Глава 3

Нью-Йорк

В 1904 году в Нью-Йорке-Сити, считавшимся общепризнанным мировым центром промышленности, торговли и связи, открылась первая линия метро. Это было оправдано, так как количество жителей города превысило 3,4 миллиона человек. В подавляющем большинстве — это были переселенцы из Европы, преимущественно ирландцы и немцы, к которым в начале XX века добавились ещё евреи и итальянцы.

Феликс Варбург, Оскар С. Штраус, Льюис Дембиц Штраус и другие приглашенные по причине сильного холодного ветра, выходя из экипажей, торопились быстрее войти в вестибюль особняка, расположенного в Манхэттене по адресу Пятая авеню, 965, недалеко от угла 78-й улицы. Спроектированное архитектурной фирмой Freeman & Thain и построенное братьями Фарли здание отличалось от соседних строений величественным великолепием рельефно-золотой лепнины и наличием истрийского мрамора. Стены в вестибюле и наверху лестницы были обшиты панелями «с прожилками статуарного мрамора», и всё это освещалось витражным куполом над залом.

Джейкоб (Якоб) Генри Шифф, один самых богатых и влиятельных финансистов Америки, лично встречал гостей, которые, пройдя через холл размером 15 на 44 фута, попадали в гостиную, оформленную в стиле эпохи Людовика XV, которая служила также бальным залом с галереей менестрелей на противоположном конце. Затем они направлялись в библиотеку, где были расставлены комфортные кресла вокруг богато инкрустированного стола. После того, как все гости собрались, Шифф ещё раз поприветствовал присутствующих:

— Господа, я собрал вас сегодня по одной причине. Она заключается в том, что настал исторический момент. В ближайшие 72 часа начнётся война между Японией и Россией. Ко мне обратились с просьбой предоставить займы Японскому правительству по причине нехватки у него золота. Я хочу услышать Ваше мнение о том, что стоит ли это делать. В свою очередь, считаю, что такие действия повлияют на положение наших единоверцев в России, когда сломленное самодержавие будет считаться с их интересами.

Среди присутствующих после минутной паузы молчания пробежала волна возгласов, которая как внезапно возникла, так и быстро закончилась. Взоры и внимание присутствующих было обращено в его сторону. Шифф давно и хорошо знал этих людей. От их воли зависло многое. Именно они были одними из тех, кто определял политику и экономику не только в Америке, но и за её пределами. При этом он не стал комментировать упоминание о том, кто собственно обратился к нему с просьбой предоставить займы японцам. Зачем им знать, что до этого разговора, ему пришлось срочно прибыть в Лондон, где в Вестминстере у него состоялась аудиенция у Эдуарда VII, короля Соединенного королевства Великобритании и Ирландии, императора Индии, который до вступления на престол был Великим мастером Объединенной великой ложи Англии, самой большой масонской организации в мире. Ему Шиффу было недвусмысленно рекомендовано обеспечить финансовую поддержку Японии в войне с Россией, и он, естественно, не мог ответить отказом. Они, то есть те, которых олицетворял Эдуард VII, хорошо знали о ненависти Шиффа к российскому самодержавию за притеснение его единоверцев, которая со временем превратилась во всепоглощающую страсть. Он настойчиво сравнивал положение евреев в России с библейской историей Египетского исхода, а себя самого видел новым Моисеем. Король ненавязчиво и иносказательно предложил ему начать финансовую войну, своеобразный крестовый поход против России, и он согласился. По предварительным расчетам требовалось для предоставления займа выпустить облигации в пользу Японии на сумму 200 млн долларов (авт. \$7,28 миллиарда в 2026 г.).

После непродолжительного совещания, большая часть присутствующих согласилась поддерживать Шиффа. Его банковская фирма «Kuhn, Loeb & Co» была выбрана для размещения крупных выпусков акций не только Union Pacific и её союзников, но и железнодорожных компаний Pennsylvania Railroad, Baltimore and Ohio, Norfolk and Western, Missouri Pacific, Western Telegraph Company и многих других. Они договорились осуществить в 1904 и 1905 годах три крупных японских военных займа.

В описываемый период времени, когда Шифф занимался вопросами займа, ведя тайные переговоры с англичанами и своими соотечественниками, барон и виконт Корэкиё Тахаси, вице-губернатор Банка Японии и финансовый уполномоченный японского правительства в Лондоне и Нью-Йорке, сидел в подавленном состоянии в служебном кабинете, вместо того, чтобы сейчас находиться в кругу своей семьи в уютном доме, в токийском квартале Акасака. Смотря на графа Хаяси Тадасу, резидента-посланника в Великобритании, Тахаси посетовал:

— Я пересёк Атлантический океан с надеждой на то, что в Лондоне условия для выполнения моего задания окажутся сравнительно благоприятными. Ведь Великобритания наш союзник и у Японии здесь есть друзья, обладавшие опытом выпуска японских займов. Однако, британцы, сочувствуя нашей отваге, по интересующему меня вопросу ничего определенного не отвечают.

Тасада не знал, что ответить высокопоставленному соотечественнику, так как, работая в Лондоне с 1900 года, он впервые столкнулся с такой ситуацией. Ранее при его участии успешно был заключен англо-японский союз, который, являясь по сути военным пактом, позволил Японии выйти из подчиненного положения и создать собственную имперскую сферу влияния. Оставалось только посочувствовать Корэкиё Тахаси, который, ещё немного поворчав, стал собираться на корабль для возвращения в Америку. В дальнейшем, как считал Тахаси, с ним произошло настоящее чудо, когда, прибыв в Нью-Йорк, на одном из ужинов у него состоялась случайная встреча и не обязывающая светская беседа с мистером Шиффом из нью-йоркского банковского дома «Kuhn, Loeb & Co», которого он ранее не знал. На следующий день мистер Шанда из «Банка Парра» сообщил Тахаси хорошую новость, что некий американский банкир склонен взять на себя выпуск необходимых облигаций для проведения займа, о котором тогда велись переговоры. Какого было удивление японца, что этот банкир — не кто иной, как мистер Шифф. От неожиданности Тахаси решил преждевременным сообщать своему правительству о данном предложении американца. На следующей встрече Тахаси выразил свою личную признательность Шиффу за то, что тот принял решение, оказать содействие в предоставлении займа, тем самым, ставя на Японию до того, как она одержала в войне с Россией свою первую решающую победу. В дальнейшем, Тахаси в направляемом в Японию отчете в отношении Шиффа писал, что, в силу своего происхождения, он испытывал неприязнь к России, справедливо негодуя из-за притеснений, которые терпело еврейское население со стороны царского правительства. Своими действиями Шифф стремился преподать правящему классу России наглядный урок, так как усмотрел в войне желанную возможность для воплощения этой давней идеи. Он намерен употребить всё своё влияние на то, чтобы привлечь американские ресурсы на сторону Японии.

Глава 4

Якузда. ОТЕЛЬ «РЮДБЕРГ»

Ощущая своё превосходство над беспомощным человеком, нападающий не торопился расправиться со своей жертвой. Он повернулся к сообщнику и что-то по-японски сказал. Оба засмеялись. Лежащий протянул было руку вверх, стараясь защититься от неизбежного. Вестов прошептал Орлову:

— Из-за укрытия не выходи. Прикрой меня.

Выстрелив вверх, он побежал по направлению к дому, крича «полиция». Не ожидая увидеть внезапно появившегося человека, и растерявшись, после секундного замешательства двое бросились в темноту. Вестов подхватил под мышки лежавшего и затащил его в дом, что оказалось не простой задачей, так как мужчина был крепкого телосложения.

— Вы из полиции? — пытаюсь пересилить боль, низким голосом по-французски спросил раненный.

— Не совсем. Это сейчас не важно. Оказался рядом и решил Вам помочь. Есть ещё кто-нибудь в доме. Я думаю, что те двое, поняв обман, снова вернутся и намерения у них будут серьезные.

— Да месье. Пьер был убит не далеко от входа.

— У Вас есть оружие? И что здесь происходит?

— Нас пригласили встретиться, но как Вы понимаете, это было не то, что мы ожидали. Пьер, вероятно, погиб, как только они приблизились, получив пулю, а у меня из руки выбили пистолет, порезав её и ногу. Благо окно было рядом и мне удалось выпрыгнуть.

Вестов разорвал пиджак раненного на полосы и перетянул ему руку и ногу, чтобы остановить кровотечение. Затем, освещая путь зажигалкой, прошёл по коридору и увидел лежащего лицом вниз человека. Вернувшись назад Вестов обнаружил, что француз потерял сознание и тяжело дышит. За спиной в темноте раздался хруст битого стекла. Ничего не оставалось, как присесть на колено и, держа палец на спусковом крючке браунинга, ждать нападения. Лунный свет слабо светил через окна в фойе дома. С улицы каких-либо звуков не доносилось. От напряжения что-либо разглядеть в темноте перед глазами стали возникать колыхающиеся тени и плывущие круги. Затаив дыхание, Вестов пытался услышать шаги приближающегося по коридору противника. Однако бешено бьющееся в груди сердце, казалось, заглушало своим стуком другие звуки. Он понимал, что у него будет только одна попытка отразить нападение. Неожиданно находившийся рядом раненный издал стон и повернулся на бок, но этого было достаточно, чтобы увидеть, как мгновенно от стены в коридоре отделилась тень, и раздался выстрел, осветив вспышкой стрелявшего человека. Вестов был крайне удивлен тем, что это был Пьер, которого он ранее видел лежащим вдоль стены коридора. Поэтому, прежде чем открыть огонь в ответ, он по-французски крикнул, что «здесь свои». На улице также прозвучали выстрелы. Затем всё затихло. В этот момент дверь распахнулась, и в фойе заскочил Орлов с пистолетом в руке.

— Шеф, Вы живы?

— Да, Николай. Что у тебя?

— Когда раздались выстрелы в доме, я увидел, как к двери бросил те двое, которых Вы спугнули. В руках у них было оружие, поэтому пришлось стрелять. Лежат у входа.

Вестов пошёл в коридор, где у стены сидел Пьер и рукой прижимал рану в боку. Свет от зажигалки осветил его мертвенно бледное лицо.

— Месье, Вы нас чуть не подстрелили.

Раненный попытался извиниться, однако тут же потерял сознание.

— Николай времени у нас мало. Скоро здесь будет полиция. Подгоняй коляску, и забираем французов.

Тела японцев перенесли в лодку и оттолкнули её в море. Однако, успели заметить, нанесенные на их руки по кисть татуировки.

— Александр Константинович эти парни из якудзы, и те, кто их послал, скоро будут искать, куда они пропали. Свидетели остались и сейчас в коляске. Если они укажут, что к смерти японцев причастны мы, тогда возмездия нам не избежать. Что будем делать?

Вестов молчал. Состояние французов было удручающее. Он принял решение. Им срочно требовалась медицинская помощь. Выехав с просёлочной на городскую улицу, коляска, набирая скорость, направилась в Каролинский университетский госпиталь. Проследовав мимо спящего в будке сторожа, они подъехали к центральному входу. Вбежав по лестнице и войдя в приемное отделение, Вестов обратился к дежурной медицинской сестре с просьбой принять больных. Он пояснил, что это иностранцы, на которых напали грабители. Приглашенный врач и несколько сотрудников больницы с носилками в руках подошли к коляске, а затем аккуратно, положив в них раненых, занесли в здание. Вестов и Орлов не стали дожидаться опроса и в тот момент, когда медперсонал скрылся за дверью, тронулись в обратный путь.

— Николай, я думаю, что нам необходимо, пока японцы в замешательстве, побудить их к действиям по вывозу из миссии секретных документов и шифровальных кодов.

На следующий день Вестов, выступая в роли коммерсанта, встретился с местным жителем, возившим в дипломатическую миссию Японии дрова для топки их печи для того, чтобы в соответствии с договоренностью передать ему очередную партию поленьев. Без каких-либо проблем охрана пропустила извозчика на территорию миссии, где он, не спеша в одном из служебных помещений здания выгрузил свой груз, и через непродолжительное время уехал по своим делам. Находясь в доме напротив, Вестов ждал, когда спрятанный в древесине механизм разрушит капсулу с концентрированной серной кислотой, и та в свою очередь, вызовет самовозгорание поленьев. Прошло несколько часов, наступил вечер. Сотрудники на экипажах стали разъезжаться по местам жительства, когда над крышей миссии сначала показался чуть заметный дым, а затем повалили серые клубы, заволакивая близлежащие улицы и дома. Даже на расстоянии были слышны крики персонала. В окнах мелькали их тени, свидетельствуя о том, что в здании началась паника. Вестов вышел на улицу и на коляске вместе с Орловым направился в сторону отеля, где жил Акаси. Мимо них пронеслась, гремя железными ведрами, пожарная повозка с наполненной водой бочкой, насосом и лихо державшимися за поручни молодыми людьми в яркой форме одежды.

Часом позже на площади Густава Адольфа, где находился отель «Рюдберг», неторопливо прогуливались прохожие. В сгущающихся сумерках зажглись газовые и электрически фонари. Во дворе к запасному выходу подошли трое мужчин. В руках они держали по саквою. Дверь им открыла Зина, и проводила по коридору в апартаменты, аналогичные тем, в которых проживал по соседству Акаси. Свет зажигать они не стали. Вестов аккуратно достал из саквоей баллон с газом и экспериментальную разработку Зелинского-Кумманта — резиновую маску с прикрепленной к ней коробкой, в которой был активированный уголь. Через непродолжительное время, по коридору в соседний номер проследовала группа людей, возбужденно говорящих между собой по-японски. Около полуночи Вестов подсоединил шланг от баллона к трубке подачи газа к горелкам, которые в качестве светильников были установлены в комнатах жильцов отеля. Несмотря на наличие электричества, данная система еще оставалась в качестве резервной. Убедившись в готовности своих товарищей действовать, Вестов на баллоне с газом повернул кран. В трубах раздалось тихое шипение.

Глава дипломатической миссии граф Курино и военный атташе Акаси Мотодзиро, сидя в креслах в глубине одной из двух комнат номера, обсуждали между собой сложившуюся ситуацию. Возле входной двери и окон расположились молодые люди, держа пистолеты в руках. Их

лица были сосредоточены. Незримо присутствовавшее напряжение вынуждало людей прислушиваться к любым звукам, которые слышались вне помещения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.